

Памятники Отечества

Вся Россия

СЕРДЦЕ
ПОВОЛЖЬЯ

ОТРОЧЕСТВО ШЕХТЕЛЯ

Андрей Мухта

*Посвящается моему дяде —
Марии Сергеевне Лазаревне-Шехтеле*

Выдающийся архитектор Федор Осипович Шехтель (1859–1921) родился в Петербурге. Свои лучшие здания он построил в Москве, став истинно московским мастером архитектуры. А годы его детства и юности связаны с Саратовом, где будущий зодчий получил первые художественные впечатления, повлиявшие на весь характер его творческих исканий.

Будущий зодчий происходил из богатой купеческой семьи, первоначально проживавшей в немецкой колонии Саратовской губернии. С 1820-х годов Шехтели обосновались в Саратове. Свои торговые дела Шехтели вели широко и успешно, продавая и покупая всевозможные товары. Они торговали вином, шоржами, галантерейными и мануфактурными товарами, золотыми и серебряными вещами, саратовским табаком (в городе в 1828 году была открыта первая в России табачная фабрика), производившей собственной ткацкой фабрики, обоями и даже художественными произведениями из алебаstra и картонажи — в Москве, Петербурге, на Нижегородской ярмарке, в Красноярске и Енисейске. В 1841 году они стали пай-

щиками «Компании саратовских купцов Степана Калашникова с товарищами на производство золотого промысла в Сибири». В Саратове им принадлежало несколько магазинов, три домовладения, лучшая в городе гостиница — «Номера Шехтель», ткацкая фабрика и крахмальный завод. Шехтели пользовались большим уважением в городе и были приняты в лучших аристократических домах. Им покровительствовал саратовский губернатор И. М. Вибиков.

В середине 1840-х годов отец будущего архитектора Осип Осипович Шехтель был послан в Петербург, где окончил Технологический институт, после чего продолжал жить в столице. В 1855 году он женился на Дарье Карловне

Наиболее ранняя из известных фотографий Шехтеля
Слева направо: Мария, Франц (Федор), Дарья Карловна и Осип Шехтели
Около 1850 года

(Розалин Доротее) Гетлих, происходившей из петербургской музыкальной семьи. В Петербурге 26 июля родился Федор (Франц Алаберт) Шехтель. Здесь же родились его брат Осип (1858) и сестры Александра (1860), Юлия (1862) и Мария (1863).

В Саратове примечательной личностью считался дядя заднего — купец 1-й гильдии Франц Осипович Шехтель^{*}.

Франц Осипович был одним из организаторов первого в городе литературно-музыкального кружка просвещенного купечества — Немецкого танцевального клуба. Его подпись стоит внизу под уставом «Коммерческого клуба», сыгравшего заметную роль в культурной жизни Саратова.

В мае — июне 1859 года, в течение двух недель, Франц Осипович Шехтель построил в принадлежащем ему загородном саду деревянный открытый театр с партером и ложами. Впоследствии театр не раз горел и перестраивался, менялся и облик: утроенного Шехтелем увеселительного сада. В настоящее время на месте сада разбит сквер, в котором стоит современное здание Драматического академического театра, ведущее свое начало от маленького театра Шехтеля.

С 1862 по 1875 год почти каждое лето в загородном театре Шехтеля гастролировала труппа замечательного актера и режиссера П.М.Медведева. В июне 1864 года с этой труппой выступал выдающийся негринатансёр трагик Айра Олдридж. Год спустя здесь труппой К.Ф.Верга была сыграна «Гроза» Островского. Сам автор принимал участие в постановке и присутствовал на премьере. В конце мая 1866 года труппа итальянских певцов дала 11 или 12 оперных спектаклей. На сцене летнего театра началась артистическая карьера выдающихся русских актеров М.Г.Савиной, А.П.Ленского,

В.Н.Давыдова, К.А.Варламова, П.А.Стрелетовой, В.Н.Андреева-Бурлаки, М.П.Петипа, С.Р.Шумского, «Рассадником национальной культуры» назвал театр в день его 60-летнего юбилея К.С.Станиславский.

Осенью 1869 года Ф.О.Шехтель устроил в доме на Московской улице, принадлежавшем братьям Антону, Ивану и Алону Шехтелям, небольшой театральный зал со сценой. Сюда с наступлением холодов перешла труппа Городского театра. Позднее в зале этого дома выступали многие из приглашенных и секретов артистов. Здесь в 1872 году дебютировали саратовцы Дмитрий, Антон и Петр Никитины — будущие основатели русского национального цирка.

Переезд Осипа Осиповича Шехтеля с семьей на постоянное место жительства в Саратов случился, видимо, в течение 1865 года, когда будущему заднему было шесть лет.

Возможно, на переезде Осипа сыграла его старший брат. Сам он тяжело заболел, а других братьев — Антоша, Иван и Алонка (Алонки) Шехтелей уже не было в живых. Вероятно, козливато братьев требовало постоянного жима, а инженер-технолог Осип Шехтель мог правильно управлять принадлежавшей братьям ткацкой фабрикой. Кроме того, осенью 1865 года должен был открыться в Саратове каменный Городской театр, и Франц Осипович опасался потерять зрителей в своем загородном театре. Спасли положение могло только одно — взять театральную антрепризу в городе в свои руки. Препятств сям и энергия у него в это время уже не было, и он рассчитывал на участие в деле младшего брата Осипа.

Осенью 1865 года городская дума передала антрепризу сроком на пять лет петербургскому купцу инженеру-технологу Осипу Осиповичу Шехтелю, принадлежавшему, по сравнению со своими конкурентами, наиболее выгодные для города условия. Не последнюю роль здесь сыграла известность его брата на те-

атральном поприще и мнение гласного городской думы и самого активного члена Театрального комитета Тимофея Ефимовича Жегина, женатого на дочери старшего Шехтеля. Екатерина Францевна. По договору с драматическим театром сдал Осипу Шехтелю с 1 ноября 1865 года по 1 мая 1870 года. На этот срок сдала ему загородный летний театр официально владевшая им Анна Ивановна Шехтель — жена Франца Осиповича.

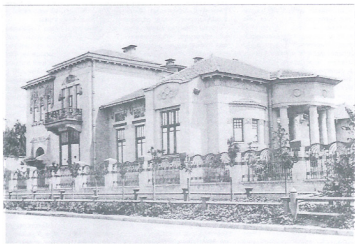
Несмотря на неопытность антрепренера и краткий срок его деятельности (с ноября 1865 по февраль 1867 года), антреприза О.О.Шехтеля стала ярким и значительным явлением в культурной жизни города.

Театральные представления устраивались в частном доме Шехтелей на Московской улице. Здесь, судя по газетным объявлениям того времени, юный Федор мог видеть выступления «первых танцовщиц Императорского театра в Пеште и Королевского театра в Берлине». Химики на Бреславля А.Гогендорф показывал здесь «чудеса микроскопического мира посредством большого газового микроскопа», физик З.Пенью из Парижа — «механические художественные картины», а профессор Кроссо — «Оптико-финансово-агрономическое представление, увенчанное золотой медалью на всемирной выставке в Лондоне в 1862 году».

К 1866 году Федор Шехтель уже достиг такого возраста, когда детей в культурных семьях принято было знакомить с театром. Федор Шехтель с детских лет знал и любил театр. В Городском театре юный Шехтель мог видеть и роскошные постановочные исторические драмы, и полные позитивного юмора веселые водевилы, неизменно вызывавшие восторг у саратовской публики.

С поздней весной до первых холодов был открыт для горожан увеселительный сад «Шехтель». Здесь, помимо летнего театра, предпринимчивым дядей заднего были устроены беседы для пиитов неустанных минеральных вод, буфеты,

* Золчий, который был со своим дядей тенью, в тексте всегда назван Федором.

Обитали К.К.Рейвене
Фотография 1912 года

бильярдная, помещение для известной на весь город «музыкальной машины с 34 валами», эстрады, на которых в перерывах между представлениями играли сразу два духовых оркестра — военный и театральный. Сад был украшен фонтанами, вечером загорались иллюминации, устраивались «великолепные бриллиантовые китайские фейерверки». Посетителей привозили из города и увозили обратно принадлежавшие Ф.О.Шехтелю «омнибусы». Вместе с труппой Городского театра здесь выступали оперные труппы и цирковые артисты, демонстрировались всякого рода «шпильки», и даже запускался «аэроптический шар». Здесь часто устраивались маскарады и летние народные гулянья. Словом, сад «Шехтеля» был излюбленным местом отдыха таких широких слоев населения Саратова. Именно таким он вошел в сознание юного Федора Шехтеля, на долгие годы определившего его интересы и пристрастия.

Смерть Ф.О.Шехтеля явилась несомненной трагедией для всех, и прежде всего для его семьи. В феврале 1867 года он простудился в театре и в конце месяца скончался. Столь же неожиданными оказались события, последовавшие за его смертью. Поначалу Франц Осипович взял на себя антрепрену брата и заботу о его семье. Но и он два месяца спустя умер, оставив после себя «в наследство» запутанные торговые дела и огромные долги. Его вдова, Анна Ивановна, прочно обвила с рук движимую часть имущества, а также приобретенный на нее загородный сад с театром, который 2 июля 1867 года был продан доверенным лицом А.И.Шехтеля — Т.Е.Жегинным — французской подданной Аделаиде Серме. После этого Анна Ивановна предусмотрительно выехала на время в Москву, отказавшись как от наследства (оставлявшего один долги), так и от опекунов. «Шехтели лишались всего своего состояния от неудачного предпринятия: они издумали добывать в Си-

бири золото, почему одни из братьев поселились в Красноярске, — свидетельствовали современники. — На припеках Шехтели потратили весь свой капитал и влезли в большие долги. Дома их продали с аукциона».

Как вспоминал один из «материальных» положение в семье было настолько тяжелое (детей было 7 человек), что двух младших сыновей после смерти Осипа Осиповича отдали чужим людям, их усыновили и увезли в Петербург». И в самом деле, младший (шестой по счету) сын Ф.О.Шехтеля Виктор-Иоанн, родившийся в 1866 году в Саратове, два года спустя был отдан Дарьей Карловной в семью проживавшего в столице статского советника К.Ф.Дейча, фамилию которого он впоследствии принял. Остальные дети продолжали жить вместе с матерью в описанном за долги Ф.О.Шехтеля доме на Московской улице (современный адрес — ул. Москвитная, 14).

Для обучения своих детей грамоте Д.К.Шехтель сначала

приглашала домашних учителей. Потом это стало тоже обязательным. В марте 1868 года в прошение, направленном в Сиротский суд, мать будущего зодчего писала: «Малолетние мои дети находятся в бедственном положении без необходимого по их аванию образования и экипировки, а возраст некоторых моих детей требует уже обучения. Между тем, как немалая после смерти мужа моего к тому средства, желала бы для пользы детей по обязанности матери поместить их в какое-либо казенное учебное заведение».

Девятилетний Осип был вскоре определен в Мариинскую земледельческую школу в Николаевском городке (ныне Октябрьский городок Татищевского района Саратовской области). А младшие дети, в том числе и Федор, продолжали обучаться дома. Осип Шехтель после окончания школы приписался к саратовскому мещанскому сословию и жил в Саратове по крайней мере до 1895 года.

В эти годы материальное положение семьи Федора Шехтеля было исключительно тяжелым. Деньги, полученные Д.К.Шехтель от продажи театрального реквизита мужа, постепенно кончились, других средств у нее не было, а два домовладения, которые унаследовали дети О.О.Шехтеля, не давали никаких доходов и не подлежали продаже до окончания судебного разбирательства по делам его брата, длившегося практически до 1880 года.

Дело осложнялось еще острой неприязнью, возникшей между адвокатами братьев Шехтелей — Дарьей Карловной и Анной Ивановной. Суть конфликта заключалась в том, что предприимчивый Ф.О.Шехтель сумел под принадлежащую братьям недвижимую собственность занять значительные суммы, которые отошли к его жене. После смерти братьев А.И.Шехтель сохранила за собой значительное состояние, перейдя жить в семью своего зятя, купца Т.Е.Жегина.

Тимофей Ефимович Жегин выделялся среди саратовского купечества своей ищущей энергией, образованностью, любовью к искусству и независимыми взглядами. Часто бывая за границей по торговым делам, он привозил оттуда запрещенную литературу, возможно, встречался с Герценом. Имя Жегина, как неблагонадежного лица, не раз упоминалось в доносах, которые посылались из Саратова в III отделение. Он был одним из самых активных членов либерально-демократического кружка Н.А.Мордашова.

Как и его близкие приятели, коллекционер А.Д.Медведев и основатель знаменитой галереи П.М.Третьяков, Тимофей Ефимович собирал картины. В своем городе он был известен как заядлый театрал и неперемный помощник в организации благотворительных вечеров и концертов. Много времени отдавал Жегин общественной работе в качестве гласного городской думы, члена Театрального комитета и попечителя множества обществ и учебных заведений.

Тимофей Ефимович, отзывчивый к нуждам даже незнакомых ему людей, не мог остаться безучастным к бедственному положению семьи покойного О.О.Шехтеля.

Решение, в какой-то степени устранившее судившихся Дарью Карловну и Анну Ивановну, им было найдено. В сентябре 1871 года мать будущего зодчего, возможно, со старшей дочерью Александрой, уезжает в Москву, где устраивается экономкой в семью П.И.Третьякова по рекомендации жены Тимофея Ефимовича — Е.Ф.Жегинной.

Семья Жегиных, у которых в то время уже жили оставшиеся сиротами дочери Алонза Шехтеля, взяли на себя заботу о воспитании оставшихся в Саратове детях Осипа Осиповича. Жегины, вероятно, в 1872 году внесли плату за обучение Федора и двух его сестер более 600 рублей. Их мать, не имевшая денег даже на проезд до Москвы и накопившая для себя выгодной службу за 15 рублей в ме-

сли, конечно, не смогла бы уплатить такой суммы.

По настоянию Т.Е.Жегина сестры будущего архитектора были помещены в лучшее учебное заведение города — Саратовский Мариинский институт благородных девиц. Юлия Шехтель, будущий воспитанницей института, скончалась в 1876 году «по слабости здоровья», а Мария окончила его в 1878 году.

Надо отметить, что семья Жегина была представлена исключительно особами женского пола — шестью дочерьми, одна из которых умерла в детстве, женой, тещей и дочерью Алонза Шехтеля, опекуном над детьми которого состоял Т.Е.Жегин. Быть может, юный Федор в чем-то заменил Тимофею Ефимовичу единственного, рано умершего сына Тимофея, одногодоча Шехтеля; второй сын Тимофея Ефимовича, Николай, родился неделю спустя после скоростной смерти отца. Много позднее, в 1887 году, младшая дочь Жегина Наталья стала женой архитектора Федора Шехтеля...

В начале 1870-х годов в городе существовало только одно учебное заведение, дававшее среднее образование — Саратовская мужская гимназия. В нее и был определен Федор Шехтель.

Считалось, что Саратовская гимназия давала достаточно высокий уровень знаний, и ее выпускники без экзаменов принимались в Казанский университет. В стенах гимназии преподавал в 1851–1853 годах великий русский революционер-демократ Н.Г.Чернышевский. Здесь учились выдающиеся люди своего времени: поэт Э.И.Губер, химик Н.Н.Зинин, врач Г.А.Захарьин, эпидемиолог Г.Н.Минх, ботаник С.Г.Навашин, электротехник П.Н.Яблочков, фактический создатель русского театра оперетты М.В.Лектоский. После сдачи вступительного экзамена осенью 1871 года Шехтель был зачислен во второй гимназический класс.

Дом Шехтелей на В.Сергиевской улице

Это здание, единственное из обширной недвижимости Шехтелей в Саратове, было передано наследником Осипа Шехтеля только в 1889 году (судебное разбирательство длилось с 1867 года)

Общий вид домов Шехтелей на Московной улице (3 здания)

В левом здании (до перестройки) находились «Номера Шехтеля» — лучшая по тому времени гостиница, в центральном — важный магазин (здание имеет очень глубокий подвал — «важный погреб Шехтелей») В правом здании Шехтели жили, здесь же, во втором этаже, находилась крошечный зал, где давались представления

Среди своих сверстников юный Шехтель не выделялся особыми успехами в учебе, и в первый год его пребывания в гимназии имел следующие годовые баллы: чистописание — 4, св. история, русская грамматика, общая география и немецкий язык — 3. За недостаточные знания по латинскому языку и арифметике Шехтель был оставлен во

втором классе для повторного обучения, что было в то время обычным явлением. Обращает на себя внимание сравнительно высокая оценка по чистописанию, а на деле еще и по рисованию с черчением. Эти дисциплины преподавал выпускник Академии художеств Андрей Сергеевич Годин, у которого в 1865–1867 годах учился «техническое рисование с натуры»

живший в Саратове юный Врубель.

Следующий учебный год прошел для Федора Шехтеля более успешно. Годовые оценки были следующими: священная история — 5, русский язык — 4, арифметика, общая география, латинский и немецкий языки, а также поведение — 3. Шехтель был переведен в следующий класс, однако

больше его имя в документах гимназии не встречается. Скорее всего, смена места учебы была связана со скоростной смертью Т.Е.Жегина осенью 1873 года. Федор Шехтель переводится в подготовительное училище при Тираспольской духовной семинарии, где учился последующие два года.

Католическая семинария была открыта в Саратове 11 февраля 1856 года и предназначалась для подготовки детей колонистов в священнослужители. Тираспольской она называлась по городу Тирасполю в Херсонской губернии, где первоначально предполагалось открыть центр новой католической епархии. Долгие годы считалось, что католический епископ, консистория и семинария находились в Саратове временно. С 1867 года семинария размещалась в специально перестроенном для нее по проекту губернского архитектора К.В.Тидева большом двухэтажном здании (современный адрес — ул. Мятуриня, 84). Учащиеся находились в стенах семинарии постоянно, для них были оборудованы дортуары, построена кухня, имелся большой сад для прогулок.

Семинария не пользовалась особым успехом у колонистов,

которые стремились дать обучению своих детей «практическое направление». Однако родители, не имевшие возможности оплачивать учебу в ремесленных училищах и частных школах, подобно Дарье Карлоаве, охотно отдавали детей в семинарию на казенное обеспечение. Обучение Шехтеля длилось там, по документам, с 26 августа 1873 по 20 июля 1875 года.

В том же году Е.Ф.Жегина с детьми навсегда перебирается в Москву. Вероятно, вместе с ними покинул Саратов и Федор Шехтель. По его воспоминаниям, он уехал из города «лет шестнадцати», то есть в 1875 году. Эту же дату называет в своих воспоминаниях Михаил Чехов.

Свидетельство об окончании училища при Тираспольской католической семинарии было выдано Шехтелю с большим опозданием, когда ему шел уже 22-й год. Позаботиться о получении свидетельства заставила жизнь. Осенью 1880 года «саратовский мешанин Ф.О.Шехтель» был вызван из Могилы на перебивку в Саратовское городское по воинской повинности присутствие. Лица, окончившие училище, имели определенные льготы при прохождении воинской службы. Об этом писал в одном

на писем сам Шехтель: «Это училище отгадает куруе прогимназии, свидетельством чего служит то, что станется и отбыванию воинской повинности по второму разряду».

Свидетельство об окончании подготовительного училища было получено Шехтелем 31 октября 1880 года. Две недели спустя, 14 ноября, в Присутствии им был получен документ, по которому он был «признан совершенно неспособным к воинской службе и навсегда освобожден от службы».

В дальнейшем большую роль в творческой судьбе Шехтеля сыграли личные связи Жегина, особенно его дружба с П.И.Третьяковым, принявшим на себя впоследствии заботу о воспитании будущего архитектора. Не прошло бесследно и знакомство с М.В.Лентовским, которое произошло через близкого товарища — актрису А.И.Шуберт, которая была сначала приятельницей, а потом и родственницей Жегина.

Впоследствии Федор Осипович близко сходил с людьми, которых мог считать своими земляками. Среди них выделялись художники так называемой «саратовской школы»

Обложка К.К.Рейнессе
Саратовское фото

В.Э.Борисов-Мусатов, К.С.Петров-Водкин и А.Т.Матвеев, а также М.А.Врубель.

В 1860-е годы родители Врубеля и Шехтеля принадлежали к довольно небольшому кругу саратовской интеллигенции, имели общих знакомых. Мечта художника, петлюшка писателя, не раз выступала в Городском театре на любительских вечерах, например, и Врубеля, и Шехтеля учились рисованию у одного человека — художника А.С.Голдина. Быть может, это немало украсило творческие контакты двух мастеров, длящихся плодотворно сотрудничеством друг с другом.

В начале 1890-х годов, в пору своего наибольшего творческого подъема, Шехтель особенно близился со своими земляками-саратовцами В.Э.Борисов-Мусатов для построенного по проекту Шехтеля особняка Дерюжниковой в Москве выполнил серию эскизов панно: «Осенний вечер», «Зимний пейзаж», «Сон бабочки» (все в ГТГ) и «Летняя лодочка» (бывшее собрание Т.Галлер, Мюнхен), которые считаются знаменитой вехой в творчестве художника. Сам панно, по воспоминаниям Федора Семеновича, «так и остались неизменными ввиду смерти Борисова-Мусатова». Украшая своей коллекцией Шехтель считал картину художника «Знаменное событие» (отца Мусатова к его большой работе «Золотое событие»), а также знаменитый саратовским художником Писком Кузнецовым «Атланты».

Другой саратовец К.С.Петров-Водкин по заказу одного извещал в уральскому Эрмитажу на Екатерининских стенах большой картон «Христос-святой». А.Т.Матвеевым на протяжении 1893 года были выполнены ослепительные портреты детей Шехтеля Ланы и Веры. Сохранился портрет Л.Ф.Жегина-Шехтеля — так называемый «Портрет мальчика» (бывшее собрание В.Т.Заволовой-Жегиной, г. Москва).

До сих пор считалось, что эскизы не проектировал для себя своего детства ни одного

здания. Между тем в центре Саратова есть особняк, весьма напоминающий лучшие московские сооружения Ф.О.Шехтеля, в особенности известный всем особняк С.П.Рябушникового у Пискаревых ворот. Это бывший особняк саратовского музыкально-миллионера К.К.Рейника.

Все помещения особняка сгруппированы вокруг лестничного зала, образуя в плане уравновешенную асимметричную композицию. При этом план второго этажа почти повторяет план первого, повернутый на 90 градусов по часовой стрелке. Этому спиральному движению соответствуют в интерьере соответствующие двойной поворот дубовой парадной лестницы.

При всем своеобразии, план особняка Рейника и Рябушникового имеет глубинное сходство, так как принцип построения внутреннего пространства исходит из единой композиционной схемы. Склон и основной элемент козырька ограды особняка Рейника — наклонный эркерный лоток холла-спираль. Он использован Шехтелем в оформлении холловой лестницы особняка Дерюжниковой, в оформлении ворот в ограде парка Троицы в Балашихе. Формой холла и над высокой печкой трубой этой эркера почти без изменений повторены в завершающемся столбе ограды особняка Рейника.

Но главное, что говорит о творческой преемственности Шехтеля к особняку Рейника, — это целая серия панно, выполненных на фресках светлых и темных и пестро-зеленых (плазурованной кирпич), перламутрово-розовых и фиолетово-голубых (милкингонные эскизы под окнами, фриз и декоративные панно), золотистых (штукатурка) и нейтральных серых (гранитная облицовка).

Уличный фасад украсил дугой милкингонных панно. Центральная часть композиции одного из них выполнена по нотам композиции Ф.Штурм «Танцовщицы», а растительный орнамент по краям этого панно повторяет милкингонную отделку построенного Шехтелем дома Шаронова в Таганроге. Именно

над окнами уличного фасада и фриз дубового фасада облицованы перламутрово-розовой плиткой, имеющей специфический неравномерную окраску почти такой же плиткой, на которой набран фриз холла дома Строгановского ученица в Москве.

Интерьеры особняка Рейника решены в духе «домовых» шехтелиевских интерьеров 1890-х годов, напоминающих интерьеры Ярославского холла, МХАТа, особняка Дерюжниковой и других «шехтелиевских» зданий. Отделка парадных помещений фламандской дубовой паннолью, готическими формами ажурной мебели и милкингонных изголовий, рационалистическими триангулярными деревянными лестницами (в особняке их три), строгий рисунок перелетов балок с соотносительных окон, дверей с гранеными и перламутрово-розовыми сочетаются с элементами привольных очертаний — выгнутыми вверх дубовыми перекладинами столбов, огромными арочными проемами между кустами и холлом, ступенчатыми хрустальными куполом над танцбуром парадного холла, двумя большими овальными зеркалами в гостиной, разбросанными на противоположных стенах и образующих бесконечный ряд отражений. Все эти приемы применялись Шехтелем еще в двадцатые годы.

Владельцем особняка К.К.Рейника принадлежал к семье саратовских журналистов-миллионеров, увлекавшихся искусством. Его брат, Арсений Кондратьевич Рейник, был создателем Русского драматического театра в Петербурге, который с момента открытия в 1896 году труппой Остроумова «Спиритика», сразу же стал заметным явлением в театральной жизни России. Кстати, А.К.Рейник знал с Шехтелем общих знакомых, например, А.Е.Кюкена и Н.К.Рериха, артиста Малого театра, часто бывав в Москве, где мог оказать поддержку проекту особняка.

Саратовский особняк, возможно, последняя яркая работа Шехтеля в стиле модерна, стоящая в ряду его лучших творческих достижений 1890-х годов.